Становясь Милой

Автор:
Эстель Маскейм

Становясь Милой

Эстель Маскейм

Модное чтение. Проза Анны Тодд и Эстель МаскеймТрилогия Милы #1

«Становясь Милой» – первая книга нового захватывающего и волнующего цикла Эстель Маскейм, автора трилогии «Я говорил, что…».

Миле шестнадцать, и она – дочь голливудской суперзвезды. Несмотря на роскошную жизнь, Миле приходится подчиняться строгим правилам, чтобы не испортить имидж отца. Но Мила оступается, и папа отправляет ее к родственникам в сельскую глушь за две тысячи миль от Лос-Анджелеса.

Что Мила будет делать на другом конце страны? Отдыхать. А еще много общаться с Блейком. Новый друг Милы понимает, как нелегко живется в тени известного родителя, ведь его отец – мэр. Но у Милы и Блейка гораздо больше общего, чем им кажется.

«Эстель Маскейм – блестящая молодая писательница. Ее истории завораживают. Она обладает удивительным мастерством». – Анна Тодд

Эстель Маскейм

Становясь Милой

© Сухляева В., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Посвящается двум ярчайшим звездочкам на небосводе, малышу Бакену
и Дженсену Бакену

Глава 1

Что ж, я налажала. Причем по-крупному.

Теперь изо всех сил стараюсь не расклеиться под грузом горьких сожалений и страдая от пульсирующей головной боли. Впрочем, после вчерашнего мои мучения вполне заслужены.

В кухне повисла напряженная тишина, которую нарушает лишь едва слышное гудение кондиционера. Мой взгляд приклеен к пятну на белоснежном мраморе стола.

– Ну и как нам теперь выкручиваться? – наконец сердито вопрошает Рубен, кипя от негодования. Он даже не пытается скрыть, насколько его достали подобные экстренные собрания, где все пытаются придумать, как замять неприятные последствия от моей очередной выходки.

– Выкручиваться – твоя обязанность, – парирует мама, не отрываясь от телефона; ее пальцы с идеальным маникюром скользят по экрану. – Вот сам и думай.

– Марни, не всякую шумиху так легко замять, – возражает Рубен. – Твоя дочь становится верным поставщиком скандалов для таблоидов, а они уж своего не упустят.

Подавив волну тошноты, приподнимаю голову и мельком оглядываю помещение. Рубен стоит ко мне спиной, уткнувшись в «Макбук» на кухонном островке. Мама разрывается между двумя мобильниками – рабочим и личным. Несмотря на несусветную рань, она умудрилась уложить волосы и накраситься, одновременно пытаясь потушить пожар от последнего скандала. Также в кухне присутствуют двое из продюсерской компании – какие-то там младшие продюсеры, наверное, я даже их имен не знаю. Знаю одно – они в ярости.

– Нельзя просто сказать, что у нее голова закружилась? – предлагает один из них.

– Ага, отличная мысль, наверняка все купятся, – язвительно тянет Рубен, затем поворачивается ко мне – лицо суровое, челюсти плотно сжаты, на щеках играют желваки.

Я знаю его уже лет десять, но все еще порой боюсь до чертиков. Он кладет ноутбук прямо передо мной.

– Гляди! – Я стыдливо отворачиваюсь, он настаивает: – Мила, посмотри на экран!

Лицо у меня вспыхивает, и я неохотно поднимаю глаза. На рабочем столе открыто сразу несколько окон, которые занимают все свободное пространство; от такой словесной каши тиски, сдавливающие грудь, сжимаются еще плотнее.

«ДОЧЬ ЭВЕРЕТТА ХАРДИНГА ВЫШЛА ИЗ-ПОД КОНТРОЛЯ?»

«МИЛА ХАРДИНГ УСТРАИВАЕТ СЦЕНУ НА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ФИЛЬМА “ВСПЫШКА: ТОЧКА НЕВОЗВРАТА”»

«ЭВЕРЕТТ ХАРДИНГ НЕ СПРАВЛЯЕТСЯ СО СВОИМИ РОДИТЕЛЬСКИМИ ОБЯЗАННОСТЯМИ?»

– Простите, – шепчу я. В горле пересохло, поэтому слово выходит слабым и неуверенным.

– Извинения не заткнут этих писак! – отрезает Рубен. Его злость обращается к продюсерам: – И вообще, кто из ваших бесполезных помощников додумался на

таком важном мероприятии дать шестнадцатилетней девчонке шампанское?.. Тот, кому не место на его должности, вот кто.

– Никто мне ничего не давал. – Я и так паршиво себя чувствую, не хочу еще кого-то тянуть за собой на дно. Кроме того, мне действительно никто ничего не давал. Решения и поступки мои собственные, а значит, я одна и должна за них отвечать. – Бокалы с шампанским стояли на столе, и я просто взяла один, когда никто не видел.

Рубен бросает на меня презрительный взгляд.

– Мила, в твоем возрасте уже полагается понимать, что таблоиды способны раздуть слона из любой мухи. Стоит лишь немного оступиться, и в их глазах ты превращаешься в пачку долларов. Они даже ребенка не пощадят, тем более дочь самого Эверетта Хардинга.

По кухне разносится звон телефона. Один из продюсеров берет трубку и выходит, резким голосом раздавая приказания звонящему.

– Мне ужасно жаль, – вновь извиняюсь я – который раз за прошедшие двенадцать часов, и все же, кажется, этого по-прежнему недостаточно. Ну а что еще мне остается? Прикусываю нижнюю губу и роняю взгляд на стол, едва сдерживая слезы.

– Знаю, солнышко, – ласково говорит мама. Убрав телефоны, она придвигается ближе и обнимает меня за плечи; от нее исходит аромат полевых цветов. – По большому счету не произошло ничего из ряда вон выходящего: подростки постоянно экспериментируют, что вполне нормально, поэтому я на тебя не злюсь, просто… – Она кладет подбородок на мое плечо и вздыхает, поток воздуха щекочет мне шею. Ее голос становится тише. – Остальные могут время от времени влипать в неприятности. Но не ты. Наша семья постоянно на виду. Особенно сейчас, когда за нами следят чуть ли не через лупу.

В ее теплых, ароматных объятиях я наконец не выдерживаю и даю волю слезам.

Мои предыдущие оплошности меркнут в сравнении со вчерашней. Не так давно Рубен едва меня не придушил, когда я показала средний палец папарацци с пассажирского сиденья нашего «Рейндж-Ровера», позабыв о том, что окна у нас

не тонированные. А в прошлом месяце, когда я поцапалась в «Твиттере» с какой-то начинающей моделькой, Рубен наложил полный запрет на соцсети на целых две недели. Теперь эти выходки выглядят безобидными шалостями; вчерашний инцидент вышел на совершенно новый уровень.

Представьте себе помпезную пресс-конференцию перед выходом одного из самых нашумевших блокбастеров лета, долгожданной третьей части франшизы с мировой известностью под названием «Вспышка». Действо в самом разгаре, фешенебельный кинотеатр в Беверли-Хиллз под завязку набит журналистами. В зале присутствует основной актерский состав, однако все внимание приковано к главной звезде Эверетту Хардингу и его сногсшибательной коллеге Лорел Пейтон. Актеры сидят на сцене, весело отвечают на вопросы и с энтузиазмом рассказывают о новом фильме. В это время за кулисами празднует продюсерская компания. Шампанское льется рекой. Элегантная жена Хардинга грациозно расхаживает по залу, вступая в оживленные беседы то с одним начальником, то с другим и активно щелкая селфи для соцсетей.

И вот она я, их единственная дочь, совершаю глупую, невероятно детскую ошибку – втихушку угощаюсь шампанским на светской вечеринке, к которой приковано пристальное внимание прессы. Уж мне-то следовало понимать, что время и место совсем не располагают к экспериментам, но я с чего-то решила, будто за кулисами никто не заметит.

Как же я ошиблась.

Мероприятие заканчивается оглушительными аплодисментами. Папа уходит за сцену, мама его радостно обнимает. Рубен вызывает водителя, поскольку папа совершенно изнурен и хочет поскорее вернуться домой, затем вылавливает из толпы меня и ведет вслед за родителями к черному выходу. На улице на нас обрушивается целый шквал вспышек от фотокамер – когда-то я восхищенно сравнивала их с мерцанием звезд, теперь же они лишь ослепляют.

Именно тут и приключается катастрофа. Свежий воздух моментально ударяет мне в голову. Запнувшись на ровном месте, я лечу вперед, машинально пытаясь уцепиться за маму, но не успеваю и валюсь на барьер, ограждающий нас от папарацци. Заслышав шумиху, папа оборачивается, однако Рубен запихивает его в ожидающий нас минивэн. Вслед за ним во тьме салона исчезает и мама. К тому моменту, как Рубен возвращается за мной, я стою на коленях на холодном бетоне, пытаясь унять головокружение. К горлу подступает волна тошноты –

слишком сильная, чтобы подавить. И вот я уже опорожняю желудок прямо на землю, стараясь припомнить, сколько именно бокалов шампанского я в себя опрокинула.

Вспышки камер становятся ярче и чаще. Будто сквозь плотный слой ваты слышатся щелчки затворов, папарацци пытаются перекричать друг друга: одни зовут меня по имени в надежде, что я на них взгляну и им удастся заполучить идеальную фотографию случившегося; другие задают мерзкие вопросы, стараясь вызвать еще более скандальную реакцию.

Рубен хватает меня за локти и резко дергает вверх, ставя на ноги, затем едва ли не на руках тащит к минивэну, расталкивая папарацци, и запихивает меня в салон. Громко захлопывается дверца, и шум резко приглушается, однако настырные журналюги принимаются колотить по окнам.

– Мила! – вскрикивает мама, соскальзывая с противоположного сиденья и плюхаясь передо мной на колени. У меня голова клонится набок, и она берет ее в ладони. На ее лице, с по-прежнему идеальным макияжем, написано удивление и испуг. – Ты как? Что…

– Какого черта?! – резко обрывает ее папа громогласным голосом; он возмущен. – Ты пила?!

Вот так все и произошло. Так я села в лужу, причем с оглушительным всплеском.

И теперь, утром следующего дня, масштаб беды кажется еще значительнее. Таблоиды смешивают нашу фамилию с грязью. Мои мерзкие фотографии разлетелись по всему интернету. Я выставила папу на посмешище.

– А ведь это далеко не первый ее проступок! – рычит Рубен с противоположного конца кухни.

Его недовольство вполне понятно. Он – папин менеджер, ему платят за управление нашей жизнью. А я усложняю его работу тем, что постоянно, хоть и не нарочно, ворошу осиное гнездо желтой прессы.

– До выхода фильма всего месяц. И нам нисколько не помогают гуляющие по таблоидам фотографии пьяной Милы Хардинг, стоящей на коленях и опорожняющей желудок на пресс-конференции.

– Да и после выхода фильма ни к чему нам черный пиар, – добавляет оставшийся продюсер. Она скрещивает руки на груди и окидывает меня злым взглядом. Ее нисколько не заботит благосостояние нашей семьи – компания печется лишь о том, чтобы выжать из предстоящего фильма как можно больше денежек.

– Плюс школьный год закончился, а значит, ты, юная леди, теперь будешь чаще появляться на людях, – говорит Рубен, потирая щетину на подбородке, словно о чем-то усиленно размышляя.

Вытерев слезы и покинув мамины ласковые объятия, я выпрямляюсь и заглядываю Рубену прямо в глаза.

– Как мне все исправить?

Тот передергивает плечами.

– В идеале? Исчезнуть на несколько недель, чтобы никому не пришлось переживать о твоей зарождающейся теплой дружбе с желтой прессой.

– Рубен! – сердито шипит мама, сжимая мое плечо, словно в попытке защитить меня от жестоких слов. Она прожигает папиного менеджера откровенно враждебным взглядом.

– А что? У тебя есть идея получше, Марни? – сухо отвечает тот.

Скрипит деревянный пол. Я оборачиваюсь и сквозь опухшие веки различаю отца, который стоит, опершись о дверной косяк и спрятав руки в карманы джинсов. На нем его любимые солнцезащитные очки – должно быть, после вчерашнего изнурительного дня у него болят глаза. Мы все молчим и про себя задаемся вопросом, как давно он тут стоит. Мама берет меня за руку и крепко сжимает.

– Мила, – начинает папа, прочистив горло. Низкий, хриплый голос – одна из причин, по которой его так обожают дамы по всему миру, – а по утрам это

качество проступает еще отчетливее. Он касается края очков и слегка приподнимает, взгляд его темных глаз, красных и опухших от недосыпа, встречается с моим. – Думаю, будет лучше, если ты уедешь домой и какое-то время там поживешь.

У меня душа уходит в пятки.

– Домой? – повторяет мама. – Наш дом здесь, Эверетт. Мила дома. С нами. Давай все хорошенько обсудим, прежде чем…

– Рубен, организуй поездку, – твердо говорит папа, полностью игнорируя мамины возражения, будто она и рта не раскрывала. Его взгляд продолжает сверлить меня, и я успеваю заметить в нем искру сожаления, прежде чем папа вновь опускает очки и спокойно добавляет: – Мила, собирай вещи. Ты проведешь лето в Теннесси.

Глава 2

«Имение Хардингов».

Эти слова выгравированы золотыми буквами на табличке, прикрученной к сплошному каменному забору, окружающему ранчо площадью в пятьдесят акров. Автоматические ворота, судя по всему, открываются с помощью кода, который нужно ввести на панели. Однако его у меня нет, поэтому я жму на кнопку вызова хозяев и поворачиваюсь к камере наблюдения в ожидании ответа или иной реакции.

Личный водитель, встречавший в аэропорту, уже отчалил, высадив меня с багажом в какой-то глуши под палящим солнцем. На проселочной дороге стоит жуткая тишина – ближайшее ранчо километрах в двух отсюда, – и без привычного городского шума мне становится не по себе. В Лос-Анджелесе подобную тишину даже представить трудно.

Смахиваю со лба бусинки пота. На панели оказывается микрофон, который я замечаю, только когда из него раздается писк, покашливание, а затем и голос:

– Мила, ты добралась! Погодь минутку.

Тетя Шери! У меня на лице тут же расползается широкая улыбка. Я лет сто не слышала ее голос вживую – со столь родным южным говором. В Теннесси все чудно разговаривают: немного через нос и порой коверкая слова.

Я жду еще какое-то время, все больше покрываясь по?том, и продолжаю разглядывать высоченный забор.

Когда я была маленькой, ранчо прекрасно виднелось с дороги – этому не препятствовали никакие ограждения. Лишь на обочине стоял видавший виды деревянный столб, на котором висела табличка с названием ранчо, написанным вручную. Тогда в ином не было необходимости. Однако позже стали заявляться папины ярые фанаты, чтобы полюбоваться на ранчо, где вырос их кумир (тоже мне, велика важность!). Поэтому тетя Шери потребовала от папы обезопасить территорию. Он нанял рабочих и оплатил все расходы на постройку забора. Таким образом решили проблему незваных гостей, сующих повсюду свои любопытные носы.

Тем не менее не припоминаю, чтобы забор был настолько монументальным. Богатый серый камень выглядит совершенно неуместно посреди полей; ранчо больше похоже на крепость, чем на жилой дом.

С громким звоном ворота медленно отворяются, и навстречу мне бежит тетя Шери.

– Мила! – Она заключает меня в объятия – медвежью хватку, от которой трещат ребра и перехватывает дыхание – и качает из стороны в сторону. – Боже мой, дай на тебя глянуть!

Потом отстраняется, вцепившись мне в плечи, и оглядывает меня с ног до головы, как некий музейный экспонат.

Тетя Шери – папина родная сестра, однако они нисколько не похожи. Папа темноволосый и темноглазый с резкими чертами лица, в то время как у тети лицо круглое и розовое, обрамленное светлыми кудряшками. А свежее сияние кожи напоминает, что она младше папы.

– Привет, теть Шери, – говорю я, глупо улыбаясь. Мы не виделись почти четыре года. Тетя, кажется, нисколько не изменилась, однако вполне понятно, почему меня она рассматривает с таким интересом. Я уже не тот неловкий ребенок с кривыми зубами и очками с розовой оправой – уроки танцев, брекеты и контактные линзы исправили положение.

– Какая ты ужо взросленькая, да еще и красавица! Наконец-то мы увиделись вживую, а не через экран компьютера. – Внезапно она хмурится и щиплет мои щеки. – Здесь нету никакой надобности во всей этой штукатурке, дорогуша, особенно с нами…

Ну, тут не поспоришь, поэтому просто пожимаю плечами. На самом деле я привыкла, что передо мной в любой момент может выскочить папарацци или фанат с камерой, и необходимость постоянно выглядеть на все сто буквально въелась под кожу – благодаря Рубену, а также безупречному примеру мамы.

Я шумно выдыхаю. Косметика уже сползает с лица вместе с ручьями пота.

– Фух, ну и жарища у вас!

Тетя Шери усмехается и закидывает руку мне на плечи.

– С возвращением в Теннесси!

Точнее, в город Фэрвью, штат Теннесси.

Полагаю, папа до сих пор считает Фэрвью своим домом, и, пожалуй, в некотором смысле так и есть. Я тоже здесь родилась и прожила какое-то время, разве не это делает место домом? Однако мы уехали, когда мне было всего шесть, и большую часть жизни я провела в Лос-Анджелесе, поэтому именно его я воспринимаю своим домом, а не Фэрвью, к которому не испытываю особой привязанности.

Считай, только отъезд-то мне и запомнился. Я успела отучиться полгода в первом классе, когда пришлось собрать игрушки, последний раз обнять рыдающих бабушку с дедушкой и сесть на самолет в один конец до Лос-Анджелеса. Я тогда слабо представляла, что такое переезд, но родители постоянно называли его «нашим маленьким приключением». Я и не догадывалась, насколько изменится наша жизнь. Значение имело лишь одно – мы будем жить рядом с океаном!

А переехали в другую часть страны мы по единственной причине – чтобы реализовывать папины мечты.

В школьные годы он считался шутом класса, а потом один случай кардинально изменил курс папиной жизни – в наказание за шалость его отправили помогать театральному кружку. Сперва он рисовал декорации к спектаклю, однако совсем скоро и сам попробовал силы в постановке, что, в свою очередь, быстро привело к «обнаружению» папиных скрытых талантов, которые, вкупе с впечатляющими внешними данными и природной харизмой, стремительно превратили его в настоящего покорителя девичьих сердец.

Он удивил всех еще больше, когда решил перевести увлечение в разряд карьеры и поступил в университет на театральный, где и встретил маму. В двадцать с лишним лет он снимался в низкобюджетном независимом кино, медленно, но верно нарабатывая опыт; его имя все чаще мелькало в титрах. Затем как снег на голову свалилось утверждение на роль в фильме, которому пророчили судьбу следующего блокбастера – так оно и вышло. Эта роль и стала трамплином, стремительно закинувшим его в мир богатых и знаменитых.

И вот мы отчалили в Калифорнию. Мама бросила работу и на первых порах взяла на себя обязанности папиного личного помощника. Она поддерживала его и во всем помогала, одновременно перестраивая собственную карьеру. Последнее, как позже выяснилось, вышло у нее превосходно, и теперь она вполне востребованный визажист. Надо отдать родителям должное: они работали не покладая рук, чтобы создать себе имя.

В Калифорнии мы живем уже десять лет, переезжая из одного дома в другой – каждый превосходит предыдущий по размеру и роскоши. Теперь мы вполне уютно обосновались в фешенебельном охраняемом коттеджном поселке недалеко от Лос-Анджелеса. Там моя школа, друзья и в целом вся жизнь.

От Теннесси у меня остались лишь отрывочные воспоминания раннего детства. Среди них более или менее внятные сохранились только с наших редких поездок к родственникам на праздники, а последний раз мы приезжали, когда мне было тринадцать.

Сейчас я приехала не на праздники. Папа так и не смягчился, и Рубен решил, что мне лучше пожить здесь до тех пор, пока не уляжется шумиха вокруг премьеры фильма. Ведь сложно напортачить, будучи в тысячах километров от отца и голливудской прессы, верно?

– К счастью, – говорит тетя Шери, – у нас кондей фурычит на полную катушку. Ну, давай в дом.

Ранчо не сильно изменилось за прошедшие четыре года. Перед нами простираются поля, на которых прежде паслись коровы и овцы – давным-давно, когда хозяйством занимались бабушка с дедушкой. Теперь из живности остались только лошади. Парочка из них виднеется в загоне у конюшни, расположенной недалеко от трехэтажного дома, к которому мы приближаемся.

Пожалуй, забор вокруг – самая роскошная и дорогостоящая часть имения. Все остальное выглядит… заурядно. Двор зарос травой, конюшням не помешала бы рука маляра, а на доме заметны признаки преклонного возраста – старомодные оконные рамы, проржавевшие элементы декора и деревянное крыльцо. Скромно, но тем не менее очаровательно. Нет и намека на голливудский шик – самое обычное южное ранчо.

– Я точно вам не помешаю? – Мысль отправить меня сюда на целый месяц, а то и дольше, зародилась два дня назад, поэтому для всех на ранчо мой визит весьма спонтанный. Скорее всего, тетя Шери даже толком не обдумала эту затею, и я чувствую себя некомфортно, будто причиняю им неудобства.

Остановившись перед входом в дом, тетя поворачивается ко мне.

– Дорогуша, мы семья? – Она тепло улыбается, склонив голову.

– Ага, – смущенно киваю я.

– Ну вот и ответ! – Тетя распахивает дверь и жестом велит мне заходить. – Кроме того, нам тут не помешает юная компания.

Я вхожу, и в лицо сразу ударяет холодный ветер из кондиционера, что весьма приятно для разгоряченной кожи. Тетя затаскивает мой чемодан в широкую прихожую с вполне обычной деревянной лестницей, ведущей наверх.

Впереди просторная комната с аркой, которая ведет в кухню. Внезапно в душе разливается теплое чувство узнавания. Кажется, с моего последнего визита ничегошеньки не поменялось: все та же мебель, стоящая здесь несколько десятилетий, стены завешаны семейными фотографиями в рамках, собирающих пыль. Кухня тоже не видела ремонта уже долгие годы, дверца на одном из шкафчиков перекосилась и буквально болтается на единственном креплении. Однако мне даже нравится, что не все так идеально. Дом уютный – не картинка из глянцевого журнала, а жилище реальных людей. Ко всему прочему, повсюду витает умопомрачительный запах тетиной стряпни, которую я помню прекрасно.

– Говяжье рагу, – объясняет она, заметив, как я принюхиваюсь. – И столько вкусняшек, что и не вообразишь. Мы хотим отпраздновать твой приезд!

С лестницы раздается скрип половиц, и сердце пускается галопом, едва не выпрыгивая из груди.

– Моя малышка Мила приехала?

Голос принадлежит дедушке. Мгновение спустя перед нами предстает и он сам; мои губы моментально расплываются в широченной улыбке.

– Попай! – Я с топотом забегаю вверх по лестнице и кидаюсь в его объятия.

Попай одной рукой хватается за перила, удерживая равновесие, а другой прижимает меня к себе. От дедушки пахнет кондиционером для белья и немного – сеном, отчего в носу начинает чесаться. Я так крепко его обнимаю, что боюсь, как бы у него не треснули ребра. Насладившись сердечными объятиями, отстраняюсь. Хоть мы время от времени и общаемся по видеосвязи, которую помогает устанавливать тетя, при взгляде на реального Попая после стольких лет разлуки меня прямо-таки душит радость, а глаза застилают слезы счастья.

Я хватаю его ладони и замечаю, как они мелко дрожат. Кожа на них жесткая и шершавая от ежедневного физического труда. Лицо малость худее, чем я помню, щеки впавшие, да и морщин прибавилось. Впрочем, вполне естественно, что за прошедшие годы он немного постарел. Однако на голове по-прежнему шапка густых, теперь уже белоснежных волос, а мое лицо отражается в стеклянном глазе, которым пришлось заменить реальный, потерянный на Вьетнамской войне. В детстве дедушка напоминал мне мультяшного персонажа моряка Попая, особенно прищуром на один глаз, так он и получил свое прозвище.

– Эти ваши компутеры даже близко не воздают должное твоей красоте, малышка Мила, – говорит Попай, нежно сжимая мои ладони. – Поглядите, какая ты стала прелестная юная леди! Подумать только, ужо пятнадцать…

Я решаю умолчать о том, что он-то вживую выглядит старее, поэтому лишь смеюсь и сжимаю его пальцы в ответ.

– Шестнадцать, Попай. Не помнишь, ты ведь присылал мне открытку на день рождения?

– Как же быстро ты выросла!

Когда мы с дедушкой заканчиваем приветствия, тетя Шери тащит меня на ознакомительную экскурсию по просторному сельскому дому, чтобы освежить мою память. Четыре года назад мы приезжали на День благодарения и останавливались на неделю. Поэтому, хотя ранчо я почти забыла, дом я запомнила неплохо. И теперь тетя выделила мне ту же комнату, в которой я жила в прошлый раз: с окном на конюшню. Я затаскиваю туда свой чемодан, затем быстренько принимаю душ, провозившись минут десять со старыми кранами, после чего спускаюсь на обед.

На столе еды в несколько раз больше, чем в состоянии съесть три человека: как мясные блюда, так и всевозможные закуски. Не хочется, чтобы все эти вкусности пропадали зазря, поэтому накладываю в тарелку гору всего и приступаю к трапезе. К тому же я помираю с голоду. Последние пару дней я почти не ела из-за тошнотворного привкуса вины и сожаления.

– Так чем у вас тут можно заняться? – спрашиваю, доедая остатки салата. Все настолько вкусно, что хочется еще и тарелку вылизать. Мама, по папиному распоряжению, держит нас на строгой высокобелковой диете, и меня уже тошнит от рыбы и пропаренной спаржи.

– Можешь подсобить с чисткой конюшни. С навозным душком довольно быстро свыкаешься, – говорит тетя. Я гляжу на нее во все глаза, и она смеется. – Да шучу, Мила. Хотя мне вправду не помешала бы помощь по хозяйству.

– Готова взять на себя стирку. И уборку в доме. – Я отодвигаю тарелку и тем самым даю понять, что наелась, затем ставлю локти на стол. – Но серьезно, где тут в городе гуляют? Вряд ли мне сейчас сгодятся детские площадки, на которых я играла в четыре года. А в Нэшвилл[1 - Нэшвилл – крупный город рядом с Фэрвью, столица штата Теннесси. Также он является родиной музыкального стиля кантри, благодаря чему его прозвали «Городом музыки». (Здесь и далее – прим. перев.)] съездить можно?

Попай хрипло усмехается, затем берет пустой стакан и с трудом встает.

– Туда можно доехать разве только на машине, – говорит он, сочувственно похлопав меня по плечу, и отходит к раковине.

Тетя откидывается на спинку стула и сцепляет пальцы на коленях – вид у нее серьезный.

– Вообще-то, Мила… Покаместь ты здесь, придется придерживаться некоторых правил.

– Правил?

– Правил, установленных самим Рубеном Фишером.

– Экий шельмец, – бурчит Попай, наливая воды в стакан. – Жуткий тип…

– Да, знаю. – Рубен уже меня проинструктировал, последние пару дней буквально вдалбливая в голову одно и то же распоряжение, которое я сейчас цитирую, закатив глаза: – «Сиди тише воды ниже травы и не привлекай

внимание ни к себе, ни к отцу».

– Это еще не все, – говорит тетя и замолкает. Какое-то время она смотрит на свои переплетенные пальцы, затем поднимает на меня встревоженный взгляд. – Рубен велел не выпускать тебя за пределы ранчо.

– Чего?! – Сердце уходит в пятки. – Мне нельзя никуда выйти?

Вдруг на тетином лице расползается озорная улыбка.

– Кто сказал, что мы послушаемся Рубена? Мы с тобой… у нас будут свои правила.

– Значит… – с надеждой тяну я, распрямляя плечи, – мне все же можно выходить?

– Можно! Только, Мила, обещай держаться подальше от неприятностей, – просит тетя. Голос у нее серьезный, улыбка исчезла. – Я должна всегда знать, где ты, с кем и что делаешь. Покаместь ты передо мной отчитываешься, можешь поступать как заблагорассудится, а о Рубене я позабочусь. Справедливо?

– Да! Обещаю, никаких неприятностей. – Я застегиваю воображаемую молнию на губах и невинно хлопаю глазами.

Вернувшись со стаканом, Попай с трудом опускается на стул, немного расплескав воду.

– У тебя тут остались друзья?

– Я уехала в шесть лет, – мягко напоминаю я. – Так что нет.

– Тогда шуруй на улицу и найди новых, – говорит он просто, словно это плевое дело. Может, в годы его детства так и было, но в двадцать первом веке? Вот уж нет!

Тетя Шери вдруг подпрыгивает и восклицает:

– Ой! Ведь у Беннеттов есть детишки! Они живут на соседнем ранчо. Премиленькое семейство. – Она возводит глаза к потолку и задумчиво потирает подбородок. – Ихнюю девочку вроде как зовут… Саванна.

– Саванна? – повторяю я. Имя звучит знакомо, на поверхность всплывает давнее смутное воспоминание: низкие парты начальной школы, сидящая рядом светловолосая девочка.

– Она вроде бы твоих годов.

– Хм, что-то припоминаю… – Я зажмуриваюсь, напрягая память, но больше ничего выудить не удается.

– Ну, уже неплохо, – радостно восклицает тетя, затем встает и начинает спешно собирать посуду. – Могу подбросить тебя к Беннеттам, и ты сызнова с нею познакомишься.

– Погоди, чего? – Я в ужасе пялюсь на тетю. Какая нелепая затея! Знакомиться с девочкой, которую не видела целых десять лет? Кто вообще так поступает?

Тетя торопливо бросает в раковину посуду и принимается рыться в шкафчиках.

– Нашла! – Она поворачивается ко мне с противнем в руках. – Вот, одолжила у Пэтси на прошлой неделе, хотела опробовать рецептик печенюшек с арахисовой пастой – к слову, эксперимент провалился. Было бы ох как славно с твоей стороны его вернуть. И прекрасный повод к ним наведаться.

– Нет, так… так не делается! – испуганно возражаю я, запинаясь. Неужели она в самом деле хочет отправить меня в гости к незнакомцам, чтобы вернуть какую-то посудину? Сейчас так не принято! – Нельзя же просто постучаться в чужую дверь и предложить дружбу!

– В Теннесси можно, – уверенно говорит тетя и запихивает противень мне в руки.

Я оглядываюсь на Попая в поисках поддержки, но на его лице сияет довольная улыбка. Боже, как они отстали от жизни!

– Давай хотя бы завтра?

Однако тетя Шери настроена решительно. Убрав со стола остальную посуду, она хватает со столешницы ключи от машины.

– Нет! Завтра у тебя появится сотня отговорок. Коли хочешь свободы действий, нужно? обзавестись товарищами. Папа, справишься один, пока я отвезу Милу к Беннеттам?

– Шуруйте. – Попай машет руками, прогоняя нас. Но, прежде чем я встаю, он берет меня за ладонь. – Заведи друзей, Мила. Иначе мы тебя тут до смерти утомим.

У меня даже не выходит рассмеяться. Сердце колотится, и я медленно прижимаю противень к груди.

Глава 3

Господи, какая нелепая затея!

Беннетты живут на ранчо Уиллоубанк, примерно в паре километров от нас по извилистой сельской дороге. Туда вполне можно добраться пешком, однако тетя Шери решает меня подвезти. Во-первых, чтобы я не заблудилась – хотя в упор не вижу, как можно заблудиться на единственной дороге или пройти мимо ближайшего от нас ранчо. А во-вторых, чтобы я не сумела отвертеться. Образно выражаясь, меня тащат к Беннеттам насильно.

Провожу ладонью по лбу, вытирая пот. Хотя кондиционер работает на полную катушку, в салоне тетиного минивэна настоящая парилка. Мои ноги в коротких шортах прилипли к кожаному сиденью. Наверное, именно так выглядит седьмой круг ада: южная духота, повсюду одни поля да скот, и тетя Шери заставляет меня общаться с соседями. Едва приехав, я уже успела понять, что каникулы в Теннесси сильно отличаются от краткого визита в Теннесси.

Мы минуем столб с табличкой, сообщающей название ранчо, и поворачиваем на подъездную гравийную дорогу. В отличие от нашего ранчо, Уиллоубанк не прячется за сплошным каменным забором под три метра и путь не преграждают ворота.

Проехав мимо трактора на краю луга, мы паркуемся рядом с домом. Я прямо вся мокрая. Мне доводилось общаться с кучей знаменитостей, начиная с оскароносных звезд и заканчивая боссами крупнейших киностудий Голливуда, но при этом я превращаюсь в сплошной потный комок нервов от перспективы поздороваться с какой-то девчонкой, с которой училась в первом классе? Господи, да что со мной не так?!

– Будь вежливой и улыбайся, – советует тетя Шери бодрым голосом, который немного успокаивает. Тем не менее подозреваю, что, откажись я выходить из машины, она выволочет меня за ноги. Хотя бы один друг в Фэрвью на руку не только мне, но и тете. Вряд ли ее прельщает перспектива все лето провести взаперти с недовольным подростком.

– И не забудь вернуть противень, – добавляет она.

– Ладно. – Глубоко вдыхаю горячий воздух и засовываю посудину под мышку. – Будет сделано!

Расслабив плечи, выбираюсь из машины и направляю стопы к дому. Не успеваю пройти и двух метров, как за спиной раздается хруст гравия под колесами – тетин минивэн стремительно скрывается за поворотом в клубах пыли. Она меня кинула! Я-то собиралась лишь поздороваться, отдать противень и вернуться в безопасную печку на колесах.

Неужели тетя Шери в самом деле рассчитывает, что я останусь тусоваться с незнакомкой? А вдруг Саванна Беннетт тоже едва меня помнит и сочтет чудачкой, когда я накинусь на нее с напоминаниями о быльем поросшей дружбе? Мне придется топать домой пешком и поджав хвост от стыда – да, прогулка недолгая, зато какая унизительная!

Ох и устрою я тетушке, когда вернусь!

Стиснув зубы, поднимаюсь по ступенькам на крыльцо.

– Соберись, – бормочу сама себе.

Так, мы за городом, в сельской глуши. Народ здесь простой, дружелюбный. Все пройдет как по маслу.

Господи, да стучи уже!

Тяжело сглотнув, барабаню костяшками пальцев в дверь.

Проходит несколько долгих, мучительных мгновений. Наконец из дома раздается приглушенный шум, затем щелкает замок, дверь распахивается, и передо мной предстает низкорослая женщина.

– День добрый! – Она приветливо улыбается, однако бровь вскинута в немом вопросе.

Видимо, это и есть Пэтси Беннетт – мама Саванны. Возможно, я даже встречалась с ней в далеком детстве, однако память ничего не сохранила. Возможно, и мама с ней встречалась – беседовала у школьных ворот, кто знает?

– Здравствуйте. Простите за беспокойство, я… я племянница Шери Хардинг. – У меня дрожит голос. Странно представляться племянницей Шери Хардинг, а не дочкой Эверетта Хардинга, слова режут слух. – Она попросила отнести вам противень, так что… Вот, держите.

Протягиваю названный предмет – надеюсь, с вежливой улыбкой.

– О, спасибочки, дорогуша!

Миссис Беннетт выходит на крыльцо и окидывает меня с головы до ног придирчивым взглядом. Чувствую себя микробом под микроскопом и буквально слышу, как у нее в голове крутятся шестеренки, сопоставляя очевидные факты.

– Племяшка Шери, – задумчиво тянет она. – Так значит, ты?..

– Да, – не дав ей закончить, резко отвечаю я. Судя по выражению ее лица, она и так знала ответ – все же у Шери Хардинг только один брат. – Она самая, – добавляю с нервным смешком, чтобы не сойти за грубиянку.

Мне уже осточертело, как всех заботит мой отец. Для меня он просто папа. Папа, который слоняется по дому в тапках и вечно горланит в душе.

– Ох, славно, славно, – кивает миссис Беннетт, однако в ее голосе не слышно особой радости. Прижав противень к груди, она опирается на дверной косяк. На лице по-прежнему улыбка, но брови слегка сведены. – Вы погостить приехали? Надеюсь, пресса не пронюхает, иначе тут выстроится пробка до самого Нэшвилла.

Вероятно, она вспомнила наш прошлый визит. Не возьму в толк, как разлетаются вести, однако и пресса, и фанаты всегда в курсе папиных передвижений. Отдых на Багамах в честь годовщины свадьбы? Журналисты ждут родителей в отеле, не успевает приземлиться самолет. Поездка к родственникам на День благодарения? Фанаты со всего штата стекаются к ранчо в надежде хотя бы одним глазком посмотреть на кумира и даже разбивают лагерь под забором, пока их не разгоняет полиция.

Мы тогда почти не высовывали носа из дома. Только однажды решились съездить в Нэшвилл – выехали с утра пораньше, на рассвете. Вспоминая об этом, я вдруг осознаю, что соседи, скорее всего, были не в восторге от такого нарушения привычной тишины.

– Нет, я приехала одна, – успокаиваю я миссис Беннетт. Иными словами: не переживайте, я не привлеку толпу папарацци или орду фанатов. – Поживу здесь какое-то время, отдохну от Лос-Анджелеса; мы не хотим афишировать мой визит.

– Ох! – На лице миссис Беннетт отражается облегчение. – Ну, я и слова не скажу.

– Спасибо, – от души благодарю я. Сейчас никому не нужно, чтобы соседи болтали о нас всякое.

Я уже было намереваюсь распрощаться и отчалить, но вспоминаю настоящую причину своего визита.

– Э-э, я хотела… А Саванна дома? По-моему, мы вместе ходили в первый класс.

У миссис Беннетт загораются глаза.

– Верно, ходили! Обожди, сейчас кликну. – Она разворачивается и исчезает в глубине дома. – Саванна!

Слава богу, я хотя бы не ошиблась насчет знакомства с Саванной Беннетт.

Нервно переминаюсь с ноги на ногу и потираю предплечья. Из дома доносится ветерок кондиционера и приятно обдувает ступни, я поддаюсь искушению подойти немного ближе и подставить холодку разгоряченное лицо – даже в тени духота невыносимая. Стою я так минуты две, прислушиваясь к неразборчивым голосам из глубины дома. Может, Саванна не хочет встречаться с какой-то девчонкой, с которой не виделась сто лет и которая выпрыгнула как черт из табакерки? А миссис Беннетт уговаривает ее выйти и поздороваться хотя бы из вежливости?

Пожалуй, я тогда под землю провалюсь от стыда.

– Подслушиваем? – внезапно раздается за спиной.

Сердце выпрыгивает из груди, и я резко оборачиваюсь.

– Ты кто такой? – спрашиваю светловолосого парня; тот стоит у крыльца, опираясь на лопату. На нем калоши, покрытые засохшей глиной. Он выглядит лишь немногим старше меня, на лице – грязные разводы, прическа из серии «я упала с сеновала, тормозила головой».

– Прости, – говорит парень, – у нас тут обычно чужаки не ходят. Чего-то ищешь?

– Я жду Саванну. – Чувствую себя по-дурацки – жду кого-то, кто, похоже, не хочет даже выйти и поздороваться, не говоря уже о том, чтобы тусоваться со мной все лето. – Я не воришка, честно.

– Майлз, – представляется парень и протягивает мне перепачканную ладонь. – Один из отпрысков Беннеттов – тот, что поумнее и покрасивше.

Ох, так, значит, у Саванны есть брат.

– М-м, – мычу я, уставившись на протянутую грязную руку.

Майлз усмехается.

– А ты, гляжу, не из сельских, – замечает он. Полагаю, факт очевиден. – Чудно? говоришь. Ты откуда?

Это как посмотреть. Родилась я здесь, так что, чисто технически, отсюда. Тем не менее, поджав губы, отвечаю:

– Из Калифорнии.

– Клево! Я бы хотел научиться серфить, – вздыхает он. – А Саванну откуда знаешь?

– Мы вместе учились в первом классе.

Судя по удивленному выражению лица, Майлзу кажется странным, что такая давняя знакомая вдруг заявилась на их пороге по прошествии стольких лет. Вероятно, он ожидал нормального объяснения, по-настоящему оправдывающего мой приход, нечто вроде: «Ох, да мы познакомились на тусовке пару месяцев назад».

За спиной раздаются шаги, и я вновь поворачиваюсь к дому. Наконец соизволила спуститься Саванна Беннетт. Скорее всего, из чистого любопытства, но мне остается довольствоваться малым.

Она ниже мамы – буквально метр с кепкой – и вкупе с сияющими розовыми щеками выглядит младше меня. У нее русые волосы с рыжим отливом, на круглом лице большие и ясные глаза, обрамленные длинными ресницами. В отличие от местных, которые поголовно ходят во фланелевых рубахах, на ней светлый джинсовый комбинезон с шортами, под ним виднеется полосатая

футболка. Саванна улыбается тепло и дружелюбно, отчего тугой узелок в груди немного ослабляется.

– Я думала, мама надо мною прикалывается, – говорит она, выходя на крыльцо, затем окидывает меня внимательным взглядом, прямо как ее мама недавно. – Но это правда ты, а?

Интересно, она в самом деле меня вспомнила, или имя показалось ей знакомым, как мне – ее? Вдруг мелькает мысль, что она, скорее всего, понятия не имеет, куда внезапно пропала ее подружка. Вряд ли я собирала всех друзей на игровой площадке и официально сообщала о переезде. Вероятно, в один прекрасный день я просто исчезла, и вскоре все уже позабыли о моем существовании. Мы потом приезжали навестить родственников, но я еще была слишком маленькой и не отходила от родителей. Не припоминаю ни одной встречи со старыми друзьями – помню только, как мы перебегали в машину в сопровождении охраны и как незаметно выскальзывали через задние двери, пытаясь спрятаться от папарацци.

– Ага, во плоти, – неловко усмехаюсь я.

– Разве вы не в Лос-Анджелесе живете? – спрашивает Саванна (у нее не такой деревенский говор, как у матери и брата). Значит, она в самом деле меня помнит. Заметив, как мои брови невольно поползли вверх, она тушуется. – Я малость за вами слежу. Не слишком странно? Просто время от времени в ленте мелькает имя Эверетта Хардинга, ну я и кликаю. – На ее лице внезапно проступает ужас, будто она не в состоянии остановить поток откровений. – Черт! Теперь ты считаешь меня сталкером, да? И почему я назвала его по имени? Надо было сказать «твой папа»?

– Саванна, – прерываю я ее бормотание. – Все нормально.

Она закрывает лицо ладонями от стыда и даже немного стонет.

Я подавляю смех. Ее реакция кажется мне забавной, в основном потому, что никто раньше так не нервничал при знакомстве со мной. В школе всем наплевать, кто мой отец. У них самих мама – модель, или папа – рок-звезда, или бабушка – модный дизайнер. Почти у всех есть какие-то связи со знаменитостями, а следовательно, известный родственник там – дело вполне

обыденное.

– А-а-а! – тянет Майлз, затем втягивает воздух через стиснутые зубы. Видимо, до него наконец дошло. На лице – смесь восторга с ужасом. – Соседнее ранчо… это твои родичи?

Я настороженно киваю. Судя по тому, что тетя одалживает у Пэтси Беннетт всякие кухонные принадлежности, соседи вполне неплохо ладят, но кто знает? Может, они затаили на нас обиду? Может, втайне ненавидят за то, что мы… ну, знаменитые Хардинги. Такое с нами случалось и прежде. У славы есть и минусы – в частности, зависть и неприязнь, в чем я убедилась на собственной шкуре.

– Значит, тот мужик из «Вспышки»… ты его дочка?

Я также дочь Марни Хардинг, лучшая подруга Роксаны Коэн и лучшая ученица мистера Сабатини, учителя химии, но никто не идентифицирует меня по этим критериям. Важен лишь мой папа, словно единственная причина, оправдывающая мое существование, это его ДНК в моем организме.

– Ага, она самая, – цежу я сквозь стиснутые зубы. – Мила Хардинг.

К счастью, Саванна быстро переключается на другую тему – ради меня или себя самой, уж не знаю.

– Мама говорит, ты здесь на лето, – улыбается она. – Круть! Скучала по Теннесси?

– Пожалуй. Не знаю, правда, сколько тут пробуду. Месяц, а то и два. – Я бросаю косой взгляд на Майлза, который с любопытством меня рассматривает, и вновь оборачиваюсь к Саванне. – Слушай, мы сто лет не виделись, но, по правде говоря… мне действительно не помешала бы компания на лето, ну, помимо тети с дедушкой.

– Ох. – Саванна слегка щурится. – То есть нужно тебя поразвлекать пару месяцев?

– О боже… – Сердце уходит в пятки. Вот так ляпнула! – Прости, зря я пришла…

Саванна вдруг разражается приятным, мелодичным смехом. Затем хватает меня за предплечье и весело кричит:

– Да я прикалываюсь!

– Ох.

Майлз присоединяется к смеху сестры. Я роняю взгляд на деревянный пол под ногами. На самом деле я не всегда такая нервная. Просто ситуация несколько выходит за границы моей зоны комфорта, и мне сложно выстроить правильную линию поведения.

– Ага, мы можем дружить, – успокаивает меня Саванна, отсмеявшись. Я поднимаю на нее взгляд, и она мило улыбается. – Ведь мы уже были когда-то подружками.

– Спасибо, – говорю я тихо, почти шепотом. Ну, хоть какой-то прогресс.

– О! – вдруг восклицает она и машет брату, словно он обязан прочесть ее мысли – возможно, он действительно это умеет, раз они родственники, мне-то откуда знать, у меня нет ни братьев, ни сестер. – У нас сегодня автопикник![2 - Автопикники – пикники, которые проходят на парковках у откидных багажников пикапов или других автомобилей. Традиционно устраиваются перед спортивными играми (иногда после игр).] Ничего особенного, чисто потусуемся с друзьями. Айда с нами! Познакомишься с местными ребятами, нас тута не так уж много.

– Автопикник? – В голосе невольно проскальзывает удивление. – Вы реально проводите такие тусы?

В самом начале актерской карьеры папа снялся в одном проходном фильме, в котором была сцена на автопикнике, где его персонаж наконец добивается расположения возлюбленной и целует ее на платформе пикапа. При просмотре той сцены я прямо вся корчилась, и даже сейчас при воспоминании меня передергивает. Наблюдать за тем, как твой папа с кем-то целуется на экране, просто омерзительно, особенно когда этот кто-то – не твоя мама.

– Ого, приглашение отменяется, – говорит Майлз, неодобрительно качая головой. Однако почти сразу на его лице расползается ухмылка, подсказывающая, что он лишь шутит, ибо до меня, очевидно, туго доходит. – Не-е, приходи, конечно. Я предупрежу Блейка.

– Кого?

– Нашего двоюродного брата, – отвечает Саванна. – Вечеринку организует он.

Однако я не спешу соглашаться. Из-за раннего пробуждения и долгого перелета со сменой часовых поясов я ужасно вымоталась. Да и рискованно нарушать правила Рубена в первый же день. Может, сегодня лучше остаться дома, с тетей и Попаем? С другой стороны, автопикник…

– Наверное, будет весело. – Я вытираю пот со лба. – Даже не знаю… Придет много народу, а мне правда не следует…

– Теперь ты в Фэрвью, подружка, – усмехается Саванна. – Понимаю, ты только приехала, поэтому еще не в курсе: когда тут наконец намечается какая-то движуха, ты не раздумываешь, ты просто идешь.

Глава 4

Мы с тетей Шери сидим на крыльце, ожидая Саванну и Майлза, которые обещали забрать меня на автопикник. С моего возвращения из ранчо Уиллоубанк прошло несколько часов.

Вечереет. Небо ясное, без единого облачка, насыщенного синего цвета, горизонт подкрашен последними лучами солнца. Жара наконец спала, сменившись приятным ласковым теплом. Сейчас на ранчо еще спокойнее, чем днем: издали не доносится рев машин, животные в округе спят, даже собаки не лают. В общем, царит безмятежная тишина, от которой создается ощущение, будто жизнь замерла.

– Постарайся сегодня не упоминать папу.

Тетя Шери раскачивается на ножках деревянного стула и рассеянно потирает джинсы на бедрах – нервничает?

– Я никогда его не упоминаю.

– Умничка, – одобрительно кивает она. Похоже, ей боязно отпускать меня вечером гулять, тем самым нарушая требования Рубена, но, к счастью, от нашего маленького уговора она не отказывается. – Уже созванивалась с родителями?

– Только с мамой, – признаюсь. – Точнее, переписывалась, я все еще злюсь.

Отворачиваюсь и, положив руки на поручни, гляжу на сплошной забор, отделяющий нас от остального мира. Невольно проносится мысль, что ранчо может показаться настоящей тюрьмой; несмотря на акры полей, простирающихся перед нами, возникает давящее ощущение.

– Ну хоть так, – вздыхает тетя. Стул под ней скрипит, раскачиваемый взад-вперед. – Мама за тебя переживает. Она и со мной связывалась.

Знаю, рано или поздно придется позвонить родителям, однако общаться с папой нет ни малейшего желания. Такое чувство, будто он меня предал. Допустим, Рубена в этой ситуации понять можно: в его обязанности входит ставить папину карьеру превыше всего. Мама пыталась за меня побороться, ради моего благополучия, однако все ее аргументы отлетали как горох от стенки. Папа же принял решение довольно легко. Он не спорил с Рубеном и не предлагал других вариантов… Очевидно, собственный имидж важнее дочери.

– Родители упоминали о карманных расходах? – спрашивает тетя, и я бросаю на нее взгляд через плечо.

– Не-а. И они заблокировали мою карту, так что…

Тетя кивает и, перестав раскачиваться, встает, засовывает руку в глубокий карман джинсов и достает пару купюр.

– Вот, держи. Купи себе чего-нить. – Я поворачиваюсь и беру протянутые пятьдесят долларов. – Они перевели мне денег на твое содержание, в том числе

на карманные расходы в случае необходимости. Хотя куда тебе их тратить, ежели выходить за порог ранчо запрещено?.. Ну да ладно, скажу им, что ты пыталась убить скуку онлайн-шопингом.

– Спасибо, тетя Шери.

Когда я прячу деньги под чехол телефона, раздается вибрация – сообщение с недавно добавленного номера:

«Саванна: Хай, подружка, мы у твоих ворот. Заехать, или ты выйдешь? Мы, нищеброды, в таких штуковинах не кумекаем, лол».

– Приехали, – сообщаю тете, удовлетворяя ее любопытство. – Откроешь им ворота? Или как мне выйти?

Справедливости ради стоит отметить, что даже я не знаю, как здесь работают ворота. У нас дома включен идентификатор отпечатков пальцев – самый что ни есть «хай» хай-тек.

– Ой, точно! У нас нынче неполадки с дистанционкой, так что надо открывать вручную. Нажми большую кнопку на панели слева, – объясняет тетя, затем начинает раскачиваться с пяток на носочки. – Мила, если на гулянке будет алкоголь, обещай, что пить не будешь!

– После недавних заголовков? Нет уж, спасибо, – шучу я, однако в груди расползается жар стыда. На главной странице крупнейшего онлайн-таблоида страны красуется видео того, как меня выворачивает наизнанку. И фотографии, мелькающие в журналах, немногим лучше. Так что урок усвоен – никаких больше экспериментов.

Тетя Шери хмурится и тихо говорит:

– Просто не забывай, кто ты.

Гр-р! От этой фразы у меня сжимаются кулаки.

Ну да, я отправляюсь на вечеринку с незнакомцами, которые мне ничем не обязаны, но вряд ли кто-то станет напрягаться и сливать мои фотки желтой прессе. Да и вообще, местные ребята уже, должно быть, по горло сыты болтовней о знаменитом земляке.

– Ой, тебе ведь еще нужен код для ворот, чтобы вернуться! – восклицает тетя Шери, едва я начинаю спускаться с крыльца. – Ну-ка запиши.

Она медленно называет цифры, которые я вбиваю в заметки на телефоне.

– Все, сделано. Пока!

Трусцой бегу к смутно вырисовывающимся в сумерках воротам – мне неловко заставлять Саванну с Майлзом ждать. Добравшись до цели, нахожу панель и нажимаю на самую выделяющуюся кнопку – огромную и зеленую. Раздается пронзительное жужжание, запускается механизм, и ворота распахиваются. Я отступаю, чтобы меня не снесло, и предстаю пред миром подобно некой жемчужине из раковины. Боже, стыд-то какой!

Снаружи ждет пикап. Его черный кузов, явно только-только вымытый и отполированный специально для сегодняшнего вечера, сияет, отражая свет фонарей на заборе. Одно из тонированных окон на заднем сиденье медленно опускается, и я вижу круглое лицо Саванны.

– Запрыгивай! – говорит она с широкой улыбкой.

Я бросаюсь к противоположной от нее дверце и забираюсь внутрь, стараясь не испачкать подножку кроссовками. Вряд ли Майлзу понравится, если я испорчу его труды.

– Простите, что так долго, – выдыхаю. Надеюсь, они мне сразу написали, как только подъехали. Я пристегиваюсь и окидываю наряд Саванны взглядом, переживая, подходяще ли оделась сама.

На мне джинсовые рваные шорты, топик и белые кроссовки «найк». Я выпрямила волосы и щедро нанесла макияж, губы липкие от блеска. К счастью, вид Саванны немногим отличается от моего, только волосы слегка завиты, а вместо шорт –

джинсовая мини-юбка.

– Расслабься, мы недавно подъехали, – говорит Майлз, и тут я понимаю, что за рулем не он. А значит, машина тоже не его.

– Э-э… – Я бросаю на Саванну вопросительный взгляд и украдкой киваю на водителя, который еще не обернулся и не произнес ни слова.

– Ой! – подскакивает та, будто опомнившись. – Наш двоюродный брат Блейк. И, Блейк, знакомься, Мила Хардинг.

Она сделала упор на фамилии или у меня разыгралось воображение?

Вновь поворачиваюсь и ловлю на себе взгляд водителя в зеркале заднего вида. Он пристально смотрит на меня, прищурив карие глаза, в которых отражается свет фонарей. Затем оборачивается. В отличие от блондинистых родственников, у Блейка растрепанные каштановые волосы, густые брови, нависающие над глазами, и прямоугольное лицо с четкой линией подбородка.

– Привет, Мила, – здоровается парень спокойным голосом. – Твой первый автопикник, а?

– Ага, в Лос-Анджелесе их особо не устраивают.

– Ну разумеется, – отвечает он с нечитаемым выражением на лице и вновь отворачивается.

Тяжело сглотнув, откидываюсь на сиденье и внезапно осознаю, как колотится сердце. Даже кожу немного покалывает. Подумать только, я еду на вечеринку с кучей незнакомцев… Но разве не все обычные подростки в Фэрвью так поступают? Однако, как любят напоминать мне родители, я – не обычный подросток.

– Что ж, давайте покажем Миле реальный мир, – говорит Блейк и, врубив музыку погромче, выезжает на пустынную дорогу. В его голосе проскальзывает нечто странное… некая насмешка. Если бы я не сидела как на иголках, то обязательно потребовала бы объяснений.

Выбор музыки несколько необычный: я ожидала какой-нибудь рэп или вроде того, но из колонок разносится акустическое кантри – не вполне типичная музыка перед тусовкой: она скорее успокаивает и расслабляет, нежели настраивает на веселье.

Последние лучи солнца полностью спрятались за горизонтом, и за окном теперь царит тьма. Майлз с Блейком болтают между собой, а Саванна поворачивается ко мне, чтобы завязать отдельную беседу, во время которой я порой поглядываю на парней: на руки Блейка, расслабленно лежащие на руле, на эмоциональные жестикуляции Майлза, на их еще чужие профили, вырисовывающиеся, когда они поворачиваются друг к другу.

– Ну что, с нетерпением ждешь вечеринки? – спрашивает Саванна, заправляя волосы за ухо, и я замечаю ее причудливые сережки в виде лошадок.

– Нервничаю, – признаюсь.

– Может, ты вспомнишь ребят, которые с нами учились, – пытается успокоить меня она. Учитывая, что я и Саванну-то едва помню, хотя она вроде как была моей лучшей подружкой, шансы вспомнить остальных стремятся к нулю. – Будут также ребята на год старше, как Майлз с Блейком.

– Сколько всего народу соберется?

Саванна усмехается и закатывает глаза.

– Мы же в Фэрвью. Человек двадцать от силы.

– Ох, – выдыхаю я, опуская взгляд на кроссовки.

Скромная компания хуже большой – значит, будет сложнее смешаться с толпой. Скорее всего, все соберутся вместе за общим разговором. До этого я представляла на автопикнике множество машин, громкую музыку, разносящуюся по округе из динамиков, кучу людей, разбивающихся на группки. Теперь же выходит, большая «туса» будет похожа на посиделки старых друзей. Возможно, в маленьких городках вообще не бывает шумных вечеринок.

Вскидываю взгляд на Саванну.

– Погоди, мы потом пойдем на игру или типа того? Ведь перед ними обычно устраиваются автопикники?

Сейчас лето, а значит, футбольный сезон закончился. Может, тогда бейсбол?

– Традиционно да, но и без повода устраиваются, для веселья. Тебе понравится.

Вот уж надеюсь. Признаюсь, меня будоражит мысль попробовать что-то новенькое без сопровождения взрослых – ни разу в жизни мне не представлялось столько свободы действий. То есть я не жалуюсь – все же благодаря родителям мне посчастливилось пережить такие события, о которых другие только мечтают. Например, появление на красной ковровой дорожке для церемонии вручения премии «Оскар». Однако, возможно, пришло время отделиться от семьи и пойти по своему пути. Возможно, эти каникулы вдали от дома вовсе не наказание, а шанс начать собственную жизнь, без указки Рубена; шанс понять, что на самом деле из себя представляет Мила Хардинг. Она не просто дочь Эверетта Хардинга, она – нечто большее. Ведь так?

Я гляжу в окно, где перед нами разворачивается Фэрвью. Н-да… Леса с полями повсюду, куда ни посмотри. Изредка мимо пролетают фары встречных машин, порой мелькают дома и совсем не видно людей. Вся эта пустота кругом навевает жуть. Ощущение, будто я совершенно одна, вдали от всего мира. Впрочем, уверяю я себя, это и к лучшему. Возможно, уединение пойдет мне на пользу.

Минут через пять вдоль дороги вырастают фонарные столбы – должно быть, приближается центр города… ну или его подобие.

– Что-нибудь припоминаешь с тех времен, как здесь жила? – спрашивает Майлз.

Я вновь ловлю на себе взгляд Блейка в зеркале заднего вида, он тоже ждет моего ответа. Вдруг становится любопытно, сколько Саванна ему рассказала обо мне…

Прищурившись, вглядываюсь в темноту. Мы едем по прямой дороге, вдоль которой расположились заведения со знакомыми всем американцам вывесками:

они будто заявляют, что Фэрвью не какая-то там деревня у черта на куличках, у них имеется «Макдоналдс», «Уолмарт» и даже, спасибо, Господи, «Данкин донатс» (жить не могу без их орехового холодного кофе)! Дорожный знак вежливо извещает, что мы движемся по бульвару Фэрвью. Тут заметно оживленнее, чем на окраине, – больше машин и пешеходов. Я уже так привыкла к гламурному Лос-Анджелесу, что жизнь небольшого городка кажется весьма блеклой. Хотя в ней наверняка есть свои плюсы.

– Не, ничего не помню, – признаю наконец, качая головой. – Когда мы уехали, я была совсем маленькой.

– Должно быть, для тебя мы – кучка деревенщин, – усмехается Саванна. – Но, клянусь, не все так плохо! У нас есть высокоскоростной интернет и прочие прелести цивилизации.

Парни сдавленно посмеиваются. Саванна явно лишь шутит, и все же я переживаю, что втайне ребята считают меня какой-то гламурной фифой, которая в сельской глуши просто зачахнет, словно цветок без воды. Вот только я родилась в Теннесси, поэтому как-нибудь выживу. Черт, да мне даже может здесь понравиться!

– Эй, Блейк… – Саванна взволнованно подается вперед и ударяет брата по плечу. – Давай смотаемся к начальной школе? Пусть Мила глянет.

Миновав среднюю школу, мы заезжаем на парковку начальной, расположенной совсем недалеко. Блейк медленно наворачивает круги, фарами подсвечивая красное кирпичное здание. Все в машине словно чего-то ждут – должно быть, что меня внезапно накроет волна ностальгии.

– Узнаешь что-нибудь? – взволнованно спрашивает Саванна. Она похожа на щенка, которому наконец отдали любимую игрушку, – очевидно, мое возвращение ее необычайно будоражит. – Мы с тобой постоянно играли в классики во дворе.

Внимательнее оглядываю округу. Возникает чувство смутного узнавания, нечто сродни дежавю. Я видела здание прежде, однако оно не вызывает никаких воспоминаний – уж точно не игру в классики с Саванной Беннетт. Я родной дом почти забыла, что уж говорить о школе, в которую проходила всего полгода.

– Простите, – вздыхаю, виновато передергивая плечами. Возможно, Саванне хочется вытащить на поверхность наши совместные воспоминания, чтобы мне стало уютнее рядом с ней.

– Зря только круг сделали, – бурчит Блейк и возвращается на дорогу.

Я как раз задаюсь вопросом, где же будет проходить автопикник, когда ответ возникает сам собой – Блейк сворачивает к обычной школе. Она закрыта на летние каникулы, поэтому поблизости никого нет, тем не менее как-то непривычно тусить на территории школы.

Мы заезжаем на парковку, расположенную рядом со стадионом. Там уже стоят несколько пикапов и бродят люди. На платформе одной из машин девушка устанавливает огромные колонки; у другой машины на коленях стоит парень и шарит в переносном холодильнике.

До меня вдруг доходит, что вскоре мне придется разговаривать с кучей незнакомцев. На лбу проступает холодный пот. Вообще я довольно общительная. Просто привыкла, что собеседники всегда в курсе, чья я дочь. Теперь же остается лишь гадать, кто меня узнал, а кто нет. Как правило, только папины ярые фанаты и журналисты узнают меня в лицо, для остального мира я обычный подросток. Но Фэрвью – папина малая родина, а значит, местные, скорее всего, знакомы с нашей семьей лучше, чем рядовой американец.

Тем не менее пока только моя компания в курсе дела. Сегодня даже можно притвориться новенькой, чьи родители недавно купили здесь дом. Обычной девчонкой, совершенно непримечательной.

Мы паркуемся, вместе с остальными пикапами формируя широкий круг. Блейк глушит мотор, отстегивает ремень безопасности и выходит из машины.

– Боишься? – спрашивает Майлз в тишине салона. Я поворачиваюсь к нему – он дерзко ухмыляется. – Не парься, ты им понравишься.

– И отлично впишешься в компанию, – добавляет его сестра.

Мне бы их уверенность.

Мы вылезаем из машины. Я взволнованно поправляю шорты. В свете фонарей у меня в пупке поблескивает пирсинг, в котором переливается аквамарин – мой камень-оберег. Родители не знают, что я проколола пупок, но в кои-то веки их нет рядом. Они в тысяче километров отсюда и никак меня не контролируют – эта мысль вызывает в груди волну воодушевления. Теперь я могу поступать так, как боялась прежде – например, показать миру пирсинг.

– Классный.

Взгляд падает на Блейка, который коротко кивает на мой пупок. Я машинально скрещиваю руки на груди и недовольно щурюсь, мол, чего вылупился? Рядом с ним мне не по себе. Никак не удается избавиться от ощущения, будто он надо мной насмехается. В машине я пропустила его неоднозначные ремарки мимо ушей – но только потому, что вообще-то пытаюсь завести друзей, однако он производит впечатление… не самого приятного парня в округе. Во всяком случае, не такого приветливого, как его родственники, и явно более закрытого.

Блейк фыркает на мой защитный жест.

– Зачем делать пирсинг, если не хочешь его показывать?

Не дожидаясь ответа, он поворачивается и отходит к Майлзу, чтобы помочь открыть заднюю дверцу пикапа. Я раздраженно откидываю волосы с лица и хмуро наблюдаю за тем, как он без труда запрыгивает на платформу и перетаскивает какие-то вещи, отчего под футболкой вырисовываются мышцы.

К счастью, появляется Саванна и хватает меня за запястье.

– Идем поздороваемся с Тори.

Она тащит меня через кружок, образованный пикапами; я не сопротивляюсь. Подъезжают еще машины. Все открывают багажники, достают переносные холодильники, стулья и еду. Кто-то устанавливает одноразовый мангал и выкладывает в багажнике целую дорожку из хот-догов. Вокруг царит благодушная атмосфера, шум голосов стремительно нарастает. Все в хорошем расположении духа и довольны жизнью.

– Тори! Спустись-ка на минуточку, – зовет Саванна, подходя к пикапу, на крыше которого устанавливает колонки девушка.

– Погодь, – бросает та через плечо, одной рукой перебирая кабели, а другой листая что-то в телефоне. Мгновение спустя из колонок разносится музыка – качающий ритм-н-блюз, приятное разнообразие после кантри, которое мы слушали всю дорогу. Девушка убавляет громкость, чтобы не сильно било по ушам, затем оборачивается к нам с самодовольной ухмылкой на лице. – Вуаля! Зовите меня технарем от бога.

– Хочу тебя кое с кем познакомить, – сообщает Саванна.

Тори спрыгивает с платформы, непринужденно обнимает подругу и, не опуская руки с ее плеча, поворачивается ко мне. Похоже, они закадычные друзья.

– Это Мила, она училась с нами в первом классе, – представляет меня Саванна.

– А-а-а, – понимающе тянет Тори и подмигивает. У нее ярко-розовые волосы, которые подчеркивают естественный бронзовый оттенок ее кожи, в носу – пирсинг-гвоздик. – Мила Хардинг, значит-ся!.. Привет, подруга! Ты вернулась!

Она шагает мне навстречу и заключает в крепкие объятия, в нос ударяет насыщенный сладкий аромат духов. Я неловко приобнимаю Тори в ответ, хотя совершенно ее не помню.

Неужели так и будет продолжаться? Мои бывшие одноклассники меня помнят – ну разумеется, сложно забыть, что когда-то учился в одном классе с дочерью голливудской суперзвезды! – в то время как я не узнаю абсолютно никого, поскольку за прошедшее десятилетие со мной столько всего произошло, что новые яркие воспоминания вытеснили из памяти старые. Я помню каждую деталь встречи с Кардашьянами или суперроскошного перелета на частном самолете до Парижа, при этом мне не удается откопать ни одного воспоминания о Саванне и Тори, с которыми играла в классики в первом классе. Господи, неужели я настолько недалекая?

На мгновение меня захлестывает чувство вины. Но ведь не специально же я забыла годы жизни здесь! Просто столько лет прошло…

– Ага, вернулась, – говорю с неубедительно веселой улыбкой.

– Навсегда?

– Ну, на ближайшее время.

Тори с Саванной обмениваются взглядами, без слов передавая друг другу тайные сообщения, которые я, возможно, поняла бы, если бы выросла вместе с ними. Увы.

Внезапно по парковке разносится звонкий стук. Я вздрагиваю и напрягаюсь, а обернувшись, вижу Блейка, который стоит на платформе своего пикапа и барабанит по полу щипцами для барбекю. Болтовня затухает, и все собираются вокруг него, образуя полукруг. Тори вновь убавляет громкость на колонках.

– Всем салют и спасибо, что заглянули на июньский автопикник! – объявляет Блейк, садясь на край платформы и свешивая ноги.

Я еще не разобралась во взаимоотношениях среди собравшихся, кроме того, что Саванна и Тори, очевидно, лучшие подружки; видимо, душа компании Блейк. По крайней мере, он производит впечатление того, кто способен взять управление в свои руки.

– В этот раз можете поблагодарить Барни за угощения, а Тори за музыку. Если решите попить пива, то хотя бы не будьте мудаками и не садитесь пьяными за руль, – обращается Блейк к толпе, подобно учителю, объясняющему правила поведения перед экскурсией. Даже забавно, какие они все организованные. – Многие наверняка уже заметили среди нас новое лицо…

Боже, нет, только не это!

Очевидно, все действительно заметили, поскольку без всяких подсказок взгляды тут же падают на меня. Я сжимаюсь и отчаянно жалею, что нечем прикрыться. Это папа обожает греться в лучах славы, а я вот терпеть не могу излишнее внимание.

– Прошу любить и жаловать, Ми-ила, – представляет Блейк, немного растягивая мое имя. У меня отчаянно горят щеки, я прожигаю глупого мальчишку сердитым взглядом. И готова поклясться: на его губах мелькает ухмылка, словно мое смущение доставляет ему удовольствие. Затем он моргает и отворачивается. – Так что, ребята, принимайте мисс Милу с распростертыми объятиями.

Мисс Милу?! Я стискиваю зубы и буквально испепеляю его взглядом, пытаясь уничтожить одной лишь силой мысли. Какого черта?! Он насмехается надо мной только за то, что я пришла на вечеринку?.. Идиотизм чистой воды! Хотя, наверное, следовало предупредить ребят еще в машине, что я не хочу привлекать к себе внимание, и такие вот представления мне как собаке пятая нога.

В толпе раздается парочка «ого» и «круто!», и все возвращаются к своим делам, однако я чувствую на себе некоторые любопытные взгляды. Хоть Блейк и не назвал моей фамилии, вряд ли так уж трудно сложить два и два.

Все еще сидя на платформе пикапа, Блейк немного откидывается назад, опираясь на вытянутые руки. Он вновь ловит мой взгляд, и я замечаю в его глазах танцующие дьявольские огоньки. О нет, он меня представил отнюдь не из вежливости. У него на лице написано, как ему нравится ставить меня в неловкое положение и как он наслаждается моими мучениями.

Я мрачно смотрю на него в ответ.

Глава 5

Саванна привлекает мое внимание, касаясь руки.

– Все тип-топ?

Наконец отрываю взгляд от Блейка и перевожу на нее.

– Что с ним такое? – спрашиваю несколько резче, чем намеревалась. – Твой двоюродный брат, типа, капитан футбольной команды или… не знаю, староста

класса?

Тори разражается смехом, а Саванна прикусывает губу в попытке сдержать свой, они вновь обмениваются многозначительными взглядами, которых мне не понять. Затем Тори с извинениями отходит, возвращаясь к диджейским обязанностям, а Саванна переминается с ноги на ногу и нервно теребит сережку. Я вопросительно приподнимаю бровь, поторапливая ее с ответом.

– У нас довольно маленькая школа, поэтому все дружат между собой, нет никаких банд или типа того, – объясняет она, пожимая плечами, ее взгляд скользит за мою спину. – Блейку просто хорошо удается организовывать всякие мероприятия и решать проблемы, поэтому он обычно и распоряжается. – Она усмехается. – У него это в крови.

Так, хорошо. Значит, можно предъявить ему претензии, не боясь настроить против себя главного задиру школы, раз уж, по словам Саванны, таковых у них нет. Хотя верится с трудом: что за школа такая, где не существует социальной иерархии?

– Спасибо. Подожди минутку, – говорю и, развернувшись на пятках, решительно направляюсь к Блейку.

Он все еще у своего пикапа, роется в переносном холодильнике. Я резко останавливаюсь рядом и смело стучу по блестящему кузову, привлекая его внимание. Он бросает на меня взгляд, но не распрямляется.

– Мисс Мила? – возмущенно шиплю я, самим тоном требуя объяснения, и скрещиваю руки на груди. Я чувствую необходимость постоять за себя.

– Ну, не «миссис» же, верно? Ведь ты не замужем? – как ни в чем не бывало отвечает Блейк, наконец выуживая из холодильника газировку и выпрямляясь. – Думал, так к тебе и полагается обращаться.

– Прикалываешься?

Он открывает банку и бросает на меня пренебрежительный, скучающий взгляд.

– С чего ты взяла?

– Ко мне никак не надо обращаться, тем более «мисс»…

– Ох, ну извини. Ты бы предпочла, чтобы я представил тебя Милой Хардинг, дочерью… этого, как его там? – Блейк издевательски подставляет ладонь к уху и наклоняется ко мне, будто стараясь расслышать ответ, которого не следует. – То-то же.

Пораженная, я лишь качаю головой. Вот же козлина! Быстро подобравшись, опираюсь на машину и цежу сквозь стиснутые зубы:

– Да кем ты себя возомнил?!

Он невозмутимо спрыгивает с платформы и приближается ко мне, заглядывая прямо в глаза.

– Блейк Эйвери, – говорит с выводящей из себя ухмылкой. – Приятно познакомиться, Мила.

Гр-р! Я прожигаю заносчивого придурка максимально грозным взглядом, разворачиваюсь и сердито топаю к Саванне. Похоже, та наблюдала за всей сценой.

– Что стряслось? – спрашивает она; ее глаза мечутся между мной и Блейком, который уже непринужденно болтает с каким-то парнем, размахивая рукой с газировкой.

– Ничего, – бурчу я, игнорируя быстрое биение сердца. – Блейк просто… – начинаю, но обрываю себя, осознав, что, пожалуй, неразумно ругать родственника потенциальной подруги.

– Брось, он тебе понравится, когда узнаешь его поближе, – говорит Саванна с усмешкой. Нет уж, вряд ли. – Давай куда-нибудь сядем.

Я помогаю ей достать складные стулья из пикапа Тори, мы усаживаемся, и я пользуюсь возможностью внимательнее рассмотреть присутствующих.

Среди них ребята разных возрастов, как мальчики, так и девочки. Майлз сидит неподалеку на шезлонге, у него на коленях расположилась девушка и увлеченно целует его за ухом. Я кошусь на Саванну, проверяя, заметила ли она их. Похоже, ее взгляд целенаправленно устремлен в противоположную сторону.

У пикапа с хот-догами в багажнике какой-то парень устанавливает третий одноразовый мангал – вероятно, тот самый Барни, ответственный за еду, которого упоминал Блейк в своей речи.

– Положила на кого-нибудь глаз? Или у тебя уже есть бойфренд? – раздается голос сверху.

Я поднимаю взгляд – Тори наклонилась над нами с пикапа. Затем она спрыгивает на землю и плюхается на соседний со мной стул, после чего передает нам банки газировки. Похоже, она разобралась с музыкой и теперь может расслабиться.

– На оба вопроса нет, – отвечаю я. – А у вас парни есть?

– Саванна сохнет по Нейтану Ханту – тому парню, который помогает Барни с харчами.

– Неправда! – возражает Саванна, резко подаваясь вперед. Перегнувшись через меня, она шлепает подругу по руке и объясняет мне: – Я как-то раз назвала его милым, да и только, а Тори теперь уверена, что я на него запала.

– Ой, да ладно! – громко фыркает ее подруга. – Ты каждый божий день проверяешь его социальные сети.

Затем она рассказывает мне про своего парня, которого нет на вечеринке, а потом подруги информируют меня обо всех присутствующих: кто с кем мутит, кого выбирали королем и королевой выпускного бала, кто играет в футбольной команде (поразительно, но не Блейк), а кто в прошлом месяце купался в озере нагишом. Возможно, Фэрвью не так прост, как кажется на первый взгляд.

Барни с Нейтаном раздают всем хот-доги, но я отказываюсь. Как-то в детстве папа купил мне хот-дог из тележки на пляже, и я отравилась и теперь их на дух

не переношу.

Вечеринка протекает спокойно и больше напоминает посиделки друзей, нежели безудержный кутеж, которого я опасалась, поэтому переживать не приходится. Все расслабленные, сидят на стульях или валяются в пикапах, попивая газировку или энергетики, хотя можно заметить и банку пива. Воздух наполнен ароматами хот-догов, по окрестностям разносится приятная музыка. Я наслаждаюсь вечером и чувствую себя уютно в компании Саванны и Тори, никто нас не беспокоит. Вдруг Блейк опять начинает стучать по платформе своего пикапа.

– Все сытые и довольные? – спрашивает он, опираясь на край. Ему отвечают кивками и поднятием напитков. – Круто. Тогда пришло время сыграть в «Правду или вызов».

Так. Возможно, вечеринка только начинается. По толпе пробегают возбужденные шепотки и смешки, все сдвигают стулья, формируя круг. Я повторяю за остальными, пока мы не сбиваемся в довольно плотную кучку.

И естественно, роль ведущего берет на себя Блейк: выходит в центр круга и кладет на землю пустую бутылку из-под пепси, придавив ногой. Он объясняет правила, как будто в мире найдется хоть один подросток, который не умеет играть в «Правду или вызов», затем раскручивает бутылку и откидывается на свой пикап. Белая футболка поло растягивается на его мускулистой груди.

Бутылка останавливается, указывая горлышком на Саванну.

– Правда, – выбирает та, нервно сжимая губы и умоляюще глядя на брата большими глазами. Возможно, надеется на пощаду, наивная.

– Правда, что ты макаешь картошку фри в молочный коктейль?

Ладно, ошиблась я. Но это еще ничего не доказывает.

– Отстой, – тянет кто-то в толпе.

Саванна с облегчением выдыхает, лицо расслабляется, озаряясь улыбкой. Повезло ей, удалось избежать экзекуции благодаря родственным связям.

Больше никому так не везет.

Бедняга Барни выбирает вызов, и Саванна велит ему голышом пробежать через поле. Раздеваясь, он разыгрывает целое стриптиз-шоу, затем пересекает поле, сверкая белым задом. Когда он возвращается, прикрывая пах, все награждают его бурными аплодисментами, к которым присоединяюсь даже я, и Барни театрально кланяется в ответ. У меня возникает ощущение, что это вроде его фишки. Он производит впечатление парня, которому на роду написано становиться шутом в любой компании.

Игра продолжается, выбирают то правду, то вызов. Задают вполне стандартные вопросы вроде того, с кем последний раз целовались. А вызовы довольно сдержанные, по сравнению с тем, который достался Барни, – поцеловать кого-то из присутствующих, выложить нелестную фотографию в соцсети или залпом допить остатки слабоалкогольного пива, которое отыскалось на дне одного из переносных холодильников. Каждый раз, когда вновь раскручивают бутылку, я возвожу очи к небу и молюсь всем богам, чтобы меня пронесло. До сих пор удача мне не изменяла. И тут…

– О, Мила, – тянет Блейк, когда бутылка останавливается и указывает на меня. Ну разумеется, именно его очередь была крутить, как же иначе. Удача не просто от меня отвернулась, а еще показала средний палец. – Правда или вызов?

Сердце барабанит в груди. Все смотрят на меня в ожидании – достаточно ли храбра эта новенькая, чтобы выбрать вызов? Даже правда пугает в компании незнакомцев, которые ничего обо мне не знают. Они могут спросить что угодно. Но можно ведь и солгать, верно? Никто не поймет.

– Правда, – выбираю я, сглатывая комок в горле.

Блейк сидит в кресле напротив меня, в руках новая банка газировки. Он проводит пальцем по металлическому ободку, делая вид, что усиленно размышляет. Затем поднимает на меня глаза и кровожадно улыбается.

– Кто твой отец?

Сердце замирает в груди. Какого черта?!

Впиваюсь в него гневным взглядом, мечтая заехать кулаком в самодовольную физиономию и стереть дурацкую ухмылку. О, ему прекрасно известно, кто мой отец! Очевидно, он хочет, чтобы об этом узнали все.

Ребята недоуменно переглядываются, нахмурив брови, по компании пробегает ропот, нарушающий натянутую тишину. На лицах загорается любопытство, однако те немногие, кто успел догадаться, теперь сияют от радости, безмолвно говоря: «Я так и знал!»

– Брось, какая разница, – мямлю я, унизительно взывая к жалости Блейка. Если она у него вообще есть. Разве ему самому неясно, что я не хочу рассказывать о своем отце?

Блейк окидывает друзей взглядом, нарочно накаляя атмосферу.

– Ребята, а вы в курсе, что среди нас настоящая звезда? Ой, пардон, дочь настоящей звезды.

Я разинула рот от шока – насколько бесцеремонно он ставит мне подножку! Чем я успела ему насолить, вызвав такое отношение?

Нет, я не обманываюсь насчет силы известности – рано или поздно правда выплыла бы наружу. Однако Блейк из кожи вон лезет, чтобы направить на меня лучи славы, и в данный момент они ослепляют.

Первым очевидное озвучивает Барни. Он подается вперед на своем стуле; пуговицы на его рубашке все еще ждут, когда их застегнут.

– Погодите… Мила, типа, Хардинг? Твой папа Эверетт Хардинг?

На мгновение прикрываю глаза и глубоко вдыхаю. Ну вот, началось.

Все принимаются одновременно говорить, по окрестностям разносятся любопытные вопросы – и ко мне, и друг к другу.

– Кто? – спрашивает один.

– Мужик, который играет Джейкоба Найта во «Вспышке»! – отвечает другой.

– Он сейчас в Фэрвью? – раздается взволнованный вопрос, одновременно с ним кто-то восклицает:

– Так и знал, что это она!

Я открываю глаза и пробегаю взглядом по возбужденной толпе. Блейк сидит, откинувшись на спинку стула, и спокойно попивает газировку, будто не он только что превратил мою жизнь в хаос. Медленно качаю головой, разъяренная, и одними губами спрашиваю: «Почему?»

Ребята начинают подходить ближе и толпятся вокруг меня в надежде получить ответы на свои вопросы и разведать пикантные секреты. Весь вечер на меня никто не обращал особого внимания, а теперь, когда прозвучало имя моего отца, внезапно я кажусь всем крутой и интересной.

– Может, нам взять на себя роль телохранителей? – шутит Тори, обращаясь к Саванне. Они по-прежнему сидят по обе стороны от меня. Справедливости ради стоит отметить, что даже Саванна занервничала при нашей первой встрече. Пока только Тори нисколько не впечатлена моим отцом – или же успешно это скрывает.

Девушка, которая весь вечер просидела на коленях Майлза, ставит передо мной стул и усаживается, пялясь на меня во все глаза.

– Ничего, если я скажу, что твой папа секси? Можешь достать мне его автограф?

– У тебя есть фотки с ним? – спрашивает Барни, стоя за моим плечом. – Покажешь?

– Ну, можно, – бормочу я. Какой смысл теперь секретничать, раз уже все знают?

Достаю телефон и нервно пролистываю галерею фотографий под пристальным взглядом множества глаз; все придвигаются ко мне еще ближе, чтобы лучше

рассмотреть.

Нахожу наше с папой фото, сделанное в прошлом месяце: селфи на пляже в Малибу, наши лица залиты золотым сиянием заходящего солнца, к моим щекам приклеились мокрые прядки, а папин взгляд еще более чарующий, чем обычно. Рубен выложил этот снимок на папину страничку в соцсетях, мол, посмотрите, какой Эверетт Хардинг весь из себя гордый глава семейства и заботливый отец. Тем не менее этот заботливый отец долго не думал, прежде чем сослать свою дочь в глухомань, чтобы не путалась под ногами.

Все умиляются, разглядывая фото, когда внезапно у меня из рук выдергивают телефон.

– Эй! – кричу я и вскакиваю.

Однако Барни уже улепетывает, расталкивая друзей локтями, а затем исчезает между машинами. В руках у него мой телефон, взгляд приклеен к экрану. Я кидаюсь вслед за ним – у него мой чертов мобильник! А значит – доступ ко всякого рода информации: моим аккаунтам в соцсетях, адресной книге и личным фотографиям с папой, которые еще не видели свет и за которые с радостью бы уцепились журналюги. С появлением у меня самого первого телефона Рубен не устает ка?пать мне на мозги напоминаниями ни в коем случае не разрешать к нему приближаться даже лучшим друзьям.

Саванна и Тори бросаются вслед за мной, мы протискиваемся между машинами, создавая настоящий затор. Пальцы Барни бегают, скользят по экрану, затем он подносит его к уху. Он как заяц мечется по бетонной парковке, уворачиваясь от моих попыток его схватить, и вытягивает руку, словно защитник американского футбола.

– Верни! – умоляю я. Барни кому-то звонит, и к моим глазам подступают горячие, напуганные слезы. – Прошу, не надо!

– Ой, здрасьте! – весело говорит Барни в трубку. – Как делишки? Это Эверетт Хардинг?

О боже!

– Верни телефон, Барни! – требует Тори, наконец приближаясь и пиная парня по ноге.

– Эй! – вскрикивает тот и хватается за поврежденную икру, на мгновение позабыв про телефон, чем я успешно пользуюсь и отбираю его. – Тори, какого черта?!

Зажимая микрофон ладонью, кидаюсь к ближайшим машинам и плюхаюсь на колени, прячась во тьме между пикапами. Дыхание тяжелое, сердце колотится в груди как загнанный зверек. На экране светится исходящий звонок – с контактом под именем «Папа», уничтожая всякую надежду на то, что Барни меня лишь разыгрывал. Он реально позвонил моему отцу! Нервы сжимаются в тугой клубок; дрожащими руками подношу трубку к уху.

– Папа?

– Мила? – резко говорит тот на другом конце. – Какого черта происходит?

Его злость вполне обоснованна, тем не менее я вздрагиваю от резкого тона.

– У меня отобрали телефон и…

– Ты дома всего пять минут и уже позволяешь кому-то баловаться со своим телефоном? Почему ты вообще не на ранчо? Черт, я думал, что-то случилось… – бурчит он и глубоко вздыхает. – Ладно, Мила, я сейчас на деловом ужине. Прошу, никаких выходок, хорошо?

– Хорошо, прости! Я…

Не дослушав, он вешает трубку.

Я засовываю телефон в карман шорт и прячу лицо в ладонях, стараясь успокоиться. Минуту спустя заставляю себя подняться и выйти к остальным, в крови бурлит адреналин. Барни ругается с Тори, к которой теперь присоединилась Саванна в качестве поддержки. Заметив меня, все замолкают.

– Ну и на фига ты это сделал? – требовательно спрашиваю я Барни, прожигая его взглядом и уперев руки в бока. Еще парочка ребят нерешительно переминаются неподалеку, в то время как остальные, Блейк в том числе, даже не поднялись со своих стульев.

– Да я лишь прикалывался, – тушуется Барни, подавляя усмешку.

Наконец я решаю, что себе дороже срываться на парне и лучше просто самоустраниться. Изначально я была положительно настроена на вечеринку, однако затем все покатилось по наклонной. Блейк в открытую надо мной насмехался, а папа будет на меня сердиться – вновь! Остается лишь надеяться, что ни о чем не прознает Рубен.

Я собиралась приятно провести время, но теперь мне здесь совсем не нравится. Хочу вернуться на ранчо, закрыться в своей новой спальне на все лето и рисовать в ежедневнике. Что, как бы иронично это ни звучало, мне и следует сейчас делать, по мнению Рубена.

Развернувшись, решительно иду к пикапу Блейка и дергаю за ручку, однако дверца заперта. Видимо, заметив мои усилия, вскоре рядом появляется хозяин машины и вопросительно приподнимает бровь.

– Открой, – требую я и добавляю: – Пожалуйста.

– Зачем?

– Посижу там, пока не закончится вечеринка.

Поджав губы, Блейк молча достает ключи из глубокого кармана шорт. Едва заслышав характерный щелчок, я распахиваю дверцу, сажусь назад и закрываюсь. Блейк бросает на меня взгляд через тонированное стекло, мгновение изучает, затем неспешной походкой возвращается к друзьям. Мне хочется во всем винить его, но, по правде говоря, сама виновата, что согласилась прийти.

Откидываюсь на спинку сиденья и какое-то время наслаждаюсь тишиной и уединением пикапа. Мне слышно, как остальные постепенно вновь собираются в

центре круга. Доносятся приглушенные голоса и музыка. Похоже, они решили доиграть в «Правду или вызов». Ставлю себе мысленную пометку: поаккуратнее с телефоном.

Вскоре противоположная от меня дверца открывается, и в салон садится Саванна.

– Мне ужасно жаль, Мила, – говорит она, хотя сама ничего плохого не сделала. – Барни поступил по-свински. Он прям реально позвонил твоему папе?

– Да! – Я в раздражении вскидываю руки. – Родители устроят мне такую взбучку! И теперь все будут смотреть на меня как на просто дочку Эверетта Хардинга…

– А разве плохо? – прерывает Саванна, пытаясь меня подбодрить. – Он такой клевый…

– Не в этом суть! – отрезаю я.

– Ох. – Саванна выглядит немного задетой и озадаченной, будто не понимает, как со мной общаться.

– Прости, – спешу исправиться. Зря я на нее срываюсь. – Просто мне нельзя высовываться. Поэтому я не хотела, чтобы все знали о папе. Это чертовски усложняет жизнь.

– Но… Все бы всяко узнали, верно? Городок-то маленький. Не так уж тут много Мил. Не так уж много Хардингов.

– Мне крайне важно, чтобы этому не придавали особого значения. Между нами говоря, у менеджера моего отца пунктик на этот счет, и он не хочет, чтобы пресса прознала о моей поездке.

– Почему? Чего такого скандального в том, чтобы провести лето в родном городе?

Я смотрю на ее доброе детское личико, и врать ей кажется совершенно бессмысленным.

– То, что я этого не хотела.

– А-а-а, – выдыхает Саванна. – Тебя отправили сюда в качестве наказания или типа того?

– В профилактических целях, – поправляю я.

– О’кей, я в деле! – уверенно говорит Саванна, распрямляя плечи. – Тогда пойду исправлять ущерб. – Она протягивает мне мизинец. – Обещаю, я тебя прикрою. Я прослежу, чтобы все вели себя спокойно и не приставали к тебе. А в случае необходимости я расправлюсь с каждым фанатом, который станет тебе досаждать.

Наконец на моих губах расплывается улыбка. Полагаю, теперь понятно, почему Саванна Беннетт была моей лучшей подругой в первом классе: она заботится о других и даже в шестнадцать лет прибегает к клятвам на мизинцах. А еще потому, что верит, будто со своей крошечной комплекцией способна с кем-то расправиться.

Кивнув, я переплетаю наши мизинцы.

Глава 6

Вечеринка сворачивается примерно через час. Я наблюдаю за ребятами, которые убирают за собой мусор, складывают стулья и прячут переносные холодильники. Тори выключает музыку и упаковывает колонки. Вскоре все расходятся по машинам и уезжают. На парковке не остается и следа недавнего веселья.

Все это время я провела в пикапе Блейка. На самом деле, измотанная утренним перелетом, я с удовольствием посидела в тишине, закрыв глаза (боялась увидеть на экране телефона гневное сообщение от родителей или Рубена). Наконец пора возвращаться домой.

Первыми в салон забираются Беннетты, громко переругиваясь. Я сажусь ровно и потираю утомленные веки.

– Как прошла вечеринка? – спрашиваю, бросая тревожный взгляд на телефон – нет, по-прежнему никаких сообщений или пропущенных звонков. Слава богам!

Саванна с раздраженным видом дергает ремень безопасности, пристегиваясь.

– Потрясно! Только этот донжуан хотел тайком провести домой Синди. Фу, мерзость! – Майлз на переднем сиденье громко фыркает, однако сестра его игнорирует и поворачивается ко мне. – И я велела ребятам не сходить с ума из-за твоего присутствия в городе.

Открывается водительская дверца, и за руль усаживается Блейк, насвистывая что-то себе под нос. Один только вид его лохматой макушки меня раздражает. Он заводит машину и под звуки кантри выезжает с территории школы.

– Мисс Мила, – лениво тянет Блейк, пялясь на меня через зеркало заднего вида. – Вы пробудете в городе до июльского автопикника?

– Надеюсь, нет, – цежу сквозь стиснутые зубы. И чего он вообще со мной разговаривает?

– Как же так, разве ты не повеселилась?

– Блейк, замолкни! – резко затыкает его Саванна. – Давайте сейчас все договоримся вести себя с Милой по-доброму, а?

– Не вопрос, – отвечает Блейк с усмешкой. – Обещаю, буду исключительно добр с Милой.

Саванна бросает на меня виноватый взгляд.

– Спасибо, – произношу одними губами. Я ценю ее усилия, тем не менее, похоже, ее родственник решительно настроен быть мудаком. Но по крайней мере он сосредотачивается на Майлзе; парни перешучиваются, пока мы движемся по бульвару Фэрвью.

Уже почти полночь, поэтому на улице ни души. Ни одной машины не проносится мимо во время всего пути к ранчо, за окном царит кромешная тьма. Наконец мы выезжаем на знакомый гравийный серпантин, а в отдалении появляются фонари дома Беннеттов.

И тут до меня доходит, что Блейк намерен сперва завезти родственников, а значит, мы с ним останемся наедине. Боже, за что мне все эти мучения?! Разве не логичнее сначала высадить меня? Ведь в компаниях всегда так делают: в первую очередь развозят менее знакомых людей, чтобы избежать вот такой неловкой ситуации. Я не горю желанием остаться с Блейком наедине, и странно, что он не разделяет моих чувств. Сегодня и так перенасыщенный день, хватит с меня подтруниваний, особенно без Саванны поблизости, которая может его угомонить!

Во рту моментально пересыхает. Я стараюсь сосредоточиться на шорохе камней под колесами. Вскоре мы останавливаемся, и Беннетты выбираются из машины.

– Блейк довезет тебя до дома, – шепчет мне Саванна, оборачиваясь. – Тут всего минут пять езды. – Повысив голос, она обращается к двоюродному брату: – Не груби Миле!

– Будет исполнено, – отвечает тот, шутливо отдавая честь.

Беннетты прощаются и спешат к дому – у входа они молча пихаются, борясь за право войти первым. Когда за ними закрывается дверь, Блейк выезжает на основную дорогу.

Мне кажется нелепым сидеть сзади, если переднее сиденье свободно, будто в такси, поэтому я отстегиваюсь и карабкаюсь вперед.

– Эй! – возмущается Блейк, когда я якобы случайно задеваю его локтем по затылку.

Плюхнувшись на сиденье, нагретое Майлзом, я пристегиваюсь. Теперь, когда мы остались наедине, у меня только две линии поведения: либо по-лузерски позволить ему вытирать о меня ноги, либо постоять за себя.

– У тебя проблемы? – требовательно спрашиваю я, скрещивая руки на груди и поворачиваясь к нему всем корпусом.

– Проблемы?

– Ага, что-то имеешь против меня? – спрашиваю твердым голосом. – Похоже, тебе понравилось наблюдать за тем, как я сегодня корчилась от неловкости. Ты типа школьного задиры, а? Кто назначил тебя главным?

Блейк мягко смеется, запрокидывая голову.

– Это ты главная – главная по раздуванию слона из мухи. Я лишь тебя представил, а потом подкинул тему для бесед. Где ты увидала проблему?

– Зачем вообще надо было всем рассказывать о моем отце?

– Ну, лично я считаю, что его актерские навыки оставляют желать лучшего – все фильмы «Вспышки» отстойные, – однако многие придерживаются противоположного мнения. – Он пожимает плечами; одна его ладонь небрежно лежит на верхушке руля, а другая бездумно возится с центральной консолью. – Поэтому я счел нечестным скрывать от всех правду. Кроме того, не знал, что это какой-то большой секрет.

– Ой, завязывай уже, Блейк! – Я чуть ли не выплевываю его имя. – Не изображай из себя невинную овечку! Ты – козел, который испортил мне вечер.

Отвернувшись, устремляю взгляд во тьму за окном. Надеюсь, Саванна не слишком часто зависает со своим родственником, и мне не придется с ним больше общаться. Вообще не хочу его видеть, пока я тут.

Блейк лишь усмехается. Мы сидим в тишине, пока, наконец, в отдалении не вырисовывается имение Хардингов. Фонари вдоль забора освещают дорогу приятным голубым цветом. Я нетерпеливо хватаюсь за ремень безопасности, готовясь отстегнуться в ту же секунду, как машина остановится перед воротами.

– Мила Хардинг в наличии одной штуки доставлена к ее тюрьме… прости, к дому, – объявляет Блейк, припарковавшись.

– Тюрьме? – удивленно повторяю я. То есть да, высокий сплошной забор выглядит внушительно, а я и сама невольно сравнивала ранчо с тюрьмой. И все же он здесь по определенной причине – для защиты тети Шери и Попая.

Блейк демонстративно оглядывает забор.

– Ну, создается такое впечатление.

Я только-только прибыла на ранчо и пока не успела почувствовать себя заключенной, поэтому игнорирую его измышления и молча выбираюсь из машины. Блейк не заслужил ни благодарностей, ни прощания.

– У тебя есть ключи к этой штуковине? – спрашивает он.

– У меня есть код, – говорю я и захлопываю дверцу, затем бурчу себе под нос: – Разумеется.

Направляюсь к воротам, параллельно роясь в телефоне в поисках заметки с кодом. Вдруг осознаю, что Блейк еще на месте. Почему не уезжает? Я чувствую на себе его взгляд, и внутри бурлит раздражение.

Резко поворачиваюсь и кричу:

– Обязательно тут стоять и следить за мной?

Блейк опускает окно, непринужденно перекидывает наружу руку и улыбается самой милой улыбкой за весь вечер – по крайней мере, по мою душу, – но она не смягчает стальных ноток в его голосе, когда он говорит:

– Хочу удостовериться, что ты добралась до дома, как я и обещал. Между прочим, тебя легко могут украсть и запросить немалый выкуп. А если пропадешь прямо сейчас, то я стану главным подозреваемым.

– Езжай домой, Блейк, – велю я, прогоняя его рукой. – Пока. Спокойной ночи. Надеюсь, никогда не увидимся.

Я оборачиваюсь к воротам и глубоко вздыхаю, выбрасывая Блейка из головы, затем набираю код, который дала тетя. Из устройства раздается пронзительный писк, клавиатура загорается красным, а потом – тишина.

Чего?..

Предпринимаю вторую попытку – медленно нажимаю цифру за цифрой, чтобы ненароком не ошибиться, однако очередное пиканье и красная подсветка клавиатуры говорят о тщетности моих усилий. Неужели тетя дала мне неверный код? Или я неправильно записала, спеша поскорее уехать?

Начинаю нервно выстукивать носком по земле, усиленно размышляя. Не хочется возвращаться к Блейку и признавать, что не могу зайти внутрь, поэтому утыкаюсь в телефон и пролистываю список контактов.

К моему глубочайшему ужасу, выясняется, что у меня нет тетиного номера.

Широко распахнув глаза, повторно листаю контакты. Внутри поднимается волна паники. Почему у меня нет ее номера? Свой я сегодня записала на стикере и повесила на кухне, но не додумалась спросить тетин, на случай… ну, на подобный случай.

– Проблемы с огромными дорогущими воротами? – раздается крик Блейка от машины.

– Сказала же, вали домой, – бурчу в ответ. Я изображаю уверенность, однако мысли в панике мечутся в поисках выхода из ситуации.

– Разве тебя не радует присутствие того, кто может тебя выручить?

Мотор машины глохнет, раздается стук дверцы и шуршание гравия. Блейк подходит ко мне, упирает руки в бока и, склонив голову, разглядывает подсвеченные ворота. Я, в свою очередь, гляжу на него с ужасом в глазах. Казалось, вечер не может стать хуже.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Нэшвилл – крупный город рядом с Фэрвью, столица штата Теннесси. Также он является родиной музыкального стиля кантри, благодаря чему его прозвали «Городом музыки». (Здесь и далее – прим. перев.)

2

Автопикники – пикники, которые проходят на парковках у откидных багажников пикапов или других автомобилей. Традиционно устраиваются перед спортивными играми (иногда после игр).

Купить: https://tellnovel.com/maskeym_estel/stanovyas-miloy

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити